

Л. Ю. Сапрыкина

НА ЗАДВОРКАХ НЕВСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

В середине XIX в. часть Невского проспекта от Знаменской площади до Александро-Невской лавры совсем не походила на тот нарядный и парадный Невский проспект, что шел от Адмиралтейства до Лиговского. «Здесь тот же Невский проспект, но только по названию, а не по наружности. Здесь нет уже блеску, нет уже пышности!» – так писал петербургский писатель XIX в. Е. И. Расторгуев¹. Эта часть в основном была торговая, со своими запахами, звуками, своим ритмом жизни. «Вместо блестящих магазинов с надписями на французском языке здесь ряды лавок русских без всяких надписей, потому что товар, нагруженный и расставленный возле лавок, сам говорит о своем достоинстве: старое железо, ломовые экипажи, циновки, рогожи – вот товар здешних магазинов!» – читаем там же.

Все в этом районе было сформировано вокруг дороги, ведущей к Александро-Невской лавре, и поэтому долгие годы в топонимах окрестных кварталов доминировали названия «Александровский» и «Невский».

Старо-Александровский рынок, известный с конца XVIII в., занимал значительную часть четной стороны Невского проспекта, Конной улицы, Калашниковского проспекта (ныне пр. Бакунина) и Консistorской улицы (ныне Исполкомская). Рынок был невелик, всего 110 лавок, но довольно оживленный. Здесь можно было купить все – от битой скотины и мороженой рыбы, соли и хлеба, до рогожи, телег и экипажей. Во времена строительного бума конца 1880-х гг. участки, на которых находились торговые ряды, заинтересовали покупателей, все тех же старо-александровских купцов. Взамен торговых помещений они возвели на приобретенных участках доходные дома. А память об исчезнувшем рынке сохранилась в названиях окрестных улиц и переулков: Перекупной и Тележный переулок, Конная улица.

Один из самых примечательных домов в этой части города – огромный доходный дом коммерции советника, потомственного почетного гражданина, купца 1 гильдии И. В. Галунова, занимающий целый квартал: пр. Бакунина, 2 – 2-я Советская ул., 27 – Невский пр., 142 – Дегтярная ул., 1. Иван Васильевич Галунов покупает этот участок в 1871 г. у домовладелицы А. А. Павловой; по его заказу архитектор А. В. Иванов сразу приступает к строительным работам. Стройка велась с чисто купеческим размахом, владелец не жалел средств на внешнюю и внутреннюю отделку. Дом украшали колонны, эркеры, балконы. В квартирах были ванны и ватерклозеты, камин и изразцовые печи, паркетные полы. В шестиэтажном поперечном флигеле находилась прачечная с водопроводом, паровой печью, чанами и лоханями. По Дегтярной улице располагались каменные двухэтажные хлебные амбары, кладовые, одноэтажные каменные службы².

¹ Расторгуев И. Е. Прогулки по Невскому проспекту // Прогулки по Невскому проспекту в первой половине XIX века. СПб., 2002. С. 201 – 202.

² ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 5883.

Сам владелец проживал с семьей в собственном доме на Калашниковском пр., 15 – 17. Иван Васильевич Галунов слыл щедрым благотворителем. На его средства достраивалась Борисоглебская церковь на Калашниковской набережной, он был членом многих благотворительных обществ, выборным от петербургского купечества, награжден несколькими орденами³. После его смерти в 1885 г. дом наследует сын – Андрей Иванович Галунов, а с 1900 г. – внучка Ивана Васильевича Зинаида Андреевна Синягина.

До революции дом называли по фамилии хозяина галуновским. После революции он поменял имя на муратовский. Николай Иванович Муратов в 1920 – 30-х гг. был председателем ЖАКТа этого дома. Благодаря его усилиям и хорошо подобранному обслуживающему персоналу, дом представлял собой единственное в стране крупное жактовское объединение. Подобрал хороших и добросовестных работников, Николай Иванович смог «вылечить» израненный революцией и гражданской войной организм дома⁴. На его хозяйство приезжали посмотреть не только из других районов Ленинграда, но и из других городов. Во дворе был разбит сад с фонтаном, в помещениях первого этажа работали кружки для школьников, детский сад, библиотека, столовая. Были закуплены музыкальные инструменты и организован духовой оркестр. Для детей, проживавших в доме, каждое лето снимали дачу в Тайцах. Немногие оставшиеся в живых старожилы и сегодня с теплотой и любовью вспоминают свое довоенное детство, прошедшее в муратовском доме.

На перекрестке Херсонской улицы и Перекупного переулка расположился собственный доходный дом архитектора К. К. Шмидта, 1901 – 1902 гг. постройки, пятиэтажный, в плане прямоугольный, с небольшим внутренним двором. Угловое расположение дома подчеркивает округлый эркер с высоким конусообразным завершением. Под эркером в листьях чертополоха распростерла крылья сова. В обрамлении окон-витрин первого этажа, в верхней части стен и щипцах изображены невиданные в природе цветы с квадратными венчиками. В отделке фасада широко использованы металлические элементы: ограждения окон первого этажа и окон в парадной, флагодержатели. Одну из квартир в доме занимала семья архитектора. К. К. Шмидт был родственником семьи Фаберже, по его проекту построено здание ювелирной фирмы «К. Фаберже» на Большой Морской, 24⁵. Видимо, этим объясняется, что доверенный фирмы Герберт фон Миквиц снимал одну из квартир этого дома⁶. С 1903 по 1913 гг. в первом этаже находился известный Торговый Дом «С. М. Линднер», продававший отделочные и строительные материалы зарубежно-производства⁷.

Самый яркий и запоминающийся дом в этом квартале – дом архитектора Ф. Ф. Лумберга (1903). Он находится в тихом Перекупном переулке (№ 9), занимает небольшой углубленный участок. Асимметричность фасада подчеркнута смещенным влево эркером. Криволинейность и мягкость просматриваются в различных по форме оконных проемах, в ограждениях балконов, козырька, в ограде кровли, из которой «прорастают» металлические цветы на изогнутых ножках. Огромное

³ См.: Петерб. листок. 1885. 17 (29) марта.

⁴ См.: Князева Т. Н. А вечерами во дворе играл оркестр // С.-Петербург. ведомости. 2000. 19 авг.

⁵ См.: Калужинская И. Г. Карл Шмидт // Зодчие Санкт-Петербурга XIX – начала XX века. СПб., 2000. С. 688.

⁶ См.: Перевышко А., Скурлов В., Фаберже Т. Петербург Карла Фаберже : Альбом. СПб., 2005. С. 21.

⁷ См.: Адресная книга города С-Петербурга на ... 1903 – 1914 гг.

овальное окно с уступчатым нижним абрисом в правой части фасада – еще один притягательный элемент этого дома. Очертанию окна вторит арка квартиры третьего этажа, которую до 1917 г. занимала семья архитектора. Сегодня там находится автошкола № 9. В квартире сохранились лепные потолки, камин, зеркала. Неповторимая соединительная остекленная галерея выступает дугообразной стеной во двор. Парадную, немного узковатую и изогнутую, украшают атланты, камин, фризы с растительным орнаментом⁸.

Этот квартал, несмотря на его торговую направленность, интересен и как литературный локус Петербурга. Пр. Бакунина., 7 – Херсонская ул., 1 – адрес существовавшего в середине 1910-х гг. салона О. П. Снегиной – прозаика, публициста, редактора. На ее вечерах частыми гостями бывали известные петербургские писатели, художники, музыканты. Ольга Павловна сотрудничала с журналами «Русская мысль», «Женский мир», «Лукоморье». Ее муж, Евгений Эдуардович Сно (Snow), англичанин по происхождению, фельетонист, беллетрист, писал сатирические очерки и рассказы для юмористических журналов. В салоне официальных приемов не устраивали, приглашали людей, хорошо знавших друг друга. На вечерах Ольги Павловны пел Ф. И. Шаляпин, бывали И. Е. Репин, Леонид Андреев, Саша Черный, молодой Сергей Есенин. К большому сожалению, не сохранился личный архив Снегиной, в котором она хранила переписку с Буниным, Куприным, Горьким. Уезжая из революционного Петрограда в 1918 г., она оставила архив на хранение знакомым. Вернувшись за ним в 1923 г., ничего не нашла – архив исчез бесследно⁹.

Конная ул., 8 – доходный дом постройки 1911 – 1912 гг. (арх. Л. Я. Наткин). Эффектный и нарядный шестиэтажный дом с башенкой. Особенно поражает воображение двор-колодец этого дома, стены которого украшают барельефы с античными вазами, гирляндами, медальонами. Отделка цокольного этажа гранитной щепой, дорические порталы с шарами, многочисленные маленькие балкончики, остатки витражей и старинные нумерные знаки придают этому двору очертания европейского квартала.

В 1875 г. участок по Конной улице (б. Александровской) покупает егорьевский мещанин Н. Г. Павлов и строит одноэтажный деревянный дом с четырьмя комнатами, кухней и сараем. С 1887 г. домом владеет его жена Т. П. Павлова. К этому времени деревянный дом был сломан и построен новый двухэтажный, каменный, с ледником и трактиром во дворе. Сами хозяева занимали семь комнат. В 1911 г. участок приобретает купец Л. З. Райбштейн, владелец переплетной мастерской и фабрики железнодорожных билетов. Для него архитектор Наткин и строит этот шестиэтажный дом с семиэтажными жилыми флигелями во дворе¹⁰.

В 1922 г. одну из квартир дома занимало монашеское общежитие, основанное иеромонахом Гурием (Егоровым). Состав общины менялся, но число сестер не превышало 10-12 человек. Жили тихо и, хотя не были в постриге, соблюдали монашеский устав, предусматривавший общее имущество, стол, кассу, молитву¹¹.

⁸ См.: Кириков Б. М. Архитектура петербургского модерна: Особняки и доходные дома. СПб., 2003. С. 245 – 247.

⁹ РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 459. Ед. хр. 63 – 64. Сно (урожд. Тутковская, псевд. Снегина) Ольга Павловна (1881 – 1929). Л. 1, 2, 63.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 6449.

¹¹ Подробнее об Александро-Невском (лаврском) братстве см.: Антонов В. В. Приходские православные братства в Петрограде (1920-е годы) // Минувшее: Ист. альманах. М.; СПб., 1994. № 15. С. 424 – 445; Архим. Варлаам (Сацердотский). Письма из заточения к духовным детям / Публ. А. Воронцова // Там же. С. 464 – 466.

Л. А. Дмитриева – петербургский регент, дочь известного религиозного философа А. А. Мейера, оставила воспоминания о трудной жизни в общежитии. Зарабатывали на жизнь, как могли: Лидия Александровна давала частные уроки музыки, остальные стегали одеяла, работали в больнице сестрами милосердия. В 1932 г. началась вторая волна гонений на священнослужителей, пришли и в общежитие. Арестовали всех; вместо Дмитриевой, которой в этот день не оказалось дома, забрали девушку, снимавшую в общежитии комнату. Все были отправлены на строительство Беломорканала. Лидия Александровна навещала девушек в Кеми. В дальнейшем всех сослали в Казахстан, откуда не вернулся никто¹².

Конная ул., 15 – еще один литературный адрес. В этом доме в 1928 г. в квартире № 33 снимал маленькую узкую комнату Николай Заболоцкий. Молодой, только отслуживший в армии, он донашивал старую солдатскую шинель со споротыми петлицами. «Его румяное, очкастое лицо больше напоминало лицо агронома, нежели поэта», – вспоминал Игорь Бахтерев. Заболоцкий 1928 – 1929 гг. – это участие в группе ОБЭРИУ, многочисленные выступления на творческих диспутах. Молодым поэтам хотелось «выбить нафталиновую пыль старины из этого мира», изменить все и вся, начать новую жизнь¹³. Конная улица конца 1920-х гг. еще хранила следы прошлого торгового Петербурга с остатками Конного рынка, булыжной мостовой, ломовыми извозчиками. Путь к дому вел поэта через три проходных двора, мимо бродячих музыкантов, старьевщиков, рыночных торговцев. Все увиденное нашло отражение в поэтическом цикле «Столбцы», написанном Н. Заболоцким в комнате на Конной.

Невский пр., 164, кв. 21 – адрес религиозного мыслителя, историка, философа Г. П. Федотова. Георгий Петрович Федотов, которого позднее «справедливо сравнивали с Чаадаевым и Герценом»¹⁴, жил здесь в 1916 – 1917 гг., еще не получив широкой известности. В этот период он работает в Публичной библиотеке¹⁵. Знакомство и тесное общение с религиозным философом А. А. Мейером, с богословом и общественным деятелем А. В. Карташевым привели Федотова в организованный Мейером кружок «Воскресенье». Состав кружка не был постоянным, посещавшие его люди разных национальностей и вероисповеданий в течение 1920-х гг. постепенно все пришли к церковному христианству. По воспоминаниям Николая Павловича Анциферова, также посещавшего кружок, здесь «бывали биолог Л. А. Орбели, художники К. С. Петров-Водкин и Л. А. Бруни, литературовед Л. В. Пумпянский, музыкант М. В. Юдина...»¹⁶. Религия и революция, социальное поведение религиозного христианина в условиях новых социальных сдвигов, сохранение и развитие духовных сокровищ русской и мировой культуры – основные вопросы, волновавшие членов кружка. Эти вопросы стояли перед духовным взором Федотова до конца его жизни. Недаром один из посмертных сборников его работ назывался «Хри-

¹² См.: Дмитриева Л. А. Из моего прошлого / публ. С. Г. Зверевой // Московская регентско-певческая семинария, 1998 – 1999: Наука. История. Образование. Практика муз. оформления богослужения : Сб. ст., воспоминаний, арх. док. / Подгот. А. Г. Нефедов и др. М., 2000. С. 266 – 270.

¹³ Бахтерев И. Когда мы были молодыми. (Невыдуманный рассказ) // Воспоминания о Н. Заболоцком. М., 1984. С. 57 – 101.

¹⁴ Мень А. Возвращение к истокам : (об историке Г. П. Федотове) // Мень А. Трудный путь к диалогу : Сборник. М., 1992. С. 7.

¹⁵ См.: Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры : Биограф. словарь. СПб., 1995. Т. 1. С. 534 – 537.

¹⁶ Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 325.

стианин в революции» (Париж, 1957). Осенью 1925 г. Георгий Петрович выехал за границу. Это спасло его от ареста и неминуемой ссылки, через которую с 1929 г. прошло большинство кружковцев. Г. П. Федотов жил и работал в Германии, Франции и Америке, преподавал в богословских учебных заведениях, но его интересы навсегда остались связаны с Россией. Ему принадлежат многочисленные исследования по средневековой русской духовной культуре и истории философской мысли. России была посвящена его философская, религиозная и историческая публицистика. Скончался Г. П. Федотов в 1951 г. в Нью-Йорке.

Архитектурной доминантой квартала была небольшая белокаменная Николо-Барградская церковь. Стояла она на перекрестке Конной ул., пр. Бакунина, 2-й Советской и Мытнинской. «Ратный шлем» зеленого купола этой небольшой, но довольно высокой церкви был виден издалека.

«История церкви восходит к осени 1870 года, когда торговцы Старо-александровского рынка решили построить часовню в память спасения императора Александра II при покушении на него 25.V.1867 в Париже»¹⁷. Часовню освятили в честь святых Александра Невского и Николая Чудотворца и приписали к Сионскому храму в Мирах Ликийских (ныне г. Демре, Турция), где до 1087 г. хранились мощи св. Николая, одного из самых почитаемых православных святых. Святыня была похищена в XI в. и вывезена в Италию, в г. Бари (в российской традиции до 1917 г. – Барград), где мощи святителя Николая хранятся по сей день.

Тысячи паломников из России устремлялись в Бари, чтобы поклониться святыне. В 1913 г. Императорское Православное Палестинское общество (ИППО), опекающее российских паломников за границей, стало строить одновременно два храма – в Бари и в Петербурге, на месте старой, перестроенной после пожара и переданной Палестинскому обществу часовни (1885). Подворье для паломников в Бари – храм и странноприимный дом – были заложены после долгой подготовки по проекту архитектора А. В. Щусева¹⁸. Инициатором постройки храмов была великая княгиня Елизавета Федоровна, к которой руководство ИППО перешло после смерти ее мужа, великого князя Сергея Александровича, погибшего от бомбы Ивана Каляева.

Храм в Петербурге строился в стиле древних храмов Новгорода, Пскова и Суздаля по проекту архитектора С. С. Кричинского, только что закончившего работы по возведению Феодоровского собора в конце Полтавской улицы. Стены Николо-Барградской церкви, так стали называть новый храм при Императорском Палестинском Православном обществе, украсили фресковая живопись и старинные иконы XVI – XVII вв., подаренные князем А. А. Ширинским-Шихматовым. Подвальное помещение, предназначавшееся для заседаний церковного попечительского совета, было стилизовано под боярскую палату с изразцовой печью и тяжелой мебелью. Освятили храм 15 декабря 1915 г.

В марте 1932 г. Николо-Барградскую церковь закрыли, а через два месяца взорвали. Итальянский храм-двойник оказался недостроенным из-за мировой войны и дальнейших политических событий. Его достроили и освятили лишь в 1955 г. В 1937 г. храм и странноприимный дом были проданы городским властям Бари. 13 ноября 2008 года в Риме был подписан акт передачи архитектурного комплекса

¹⁷ Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга : Ист.-церк. энциклопедия. СПб., 1996. Т. 2. С. 270.

¹⁸ Подробнее см.: Талалай М. Петроград и Барград : (о строительстве странноприимного подворья в Италии) // Тр. Гос. Музея Санкт-Петербурга. Выпуск III. «Петербургец путешествует»: Мат. конференции 3 – 4 апр. 1997 г. СПб., 1998. С. 120 – 129.

России, а 24 ноября 2009 г. состоялось подписание договора о передаче подворья от Управления делами президента РФ к Московской патриархии для использования исключительно с целью религиозной деятельности.

Хорошо сохранились два дома на Невском пр., 174 и 176, некогда принадлежавшие Александро-Невскому Дому призрения и Исидоровскому епархиальному женскому училищу.

Инициатором строительства Дома призрения был митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор (Никольский). Здание, заложенное в августе 1862 г., строилось по проекту епархиального архитектора Г. И. Карпова на частные пожертвования. Из-за недостатка средств строительство затянулось, и лишь в июне 1870 г. богадельня на 70 вдов и 90 сирот была открыта. Каменные проезды по обе стороны большого четырехэтажного дома вели во двор, справа от дома построена каменная часовня с комнатой для сторожа при ней. В подвале дома находились жилые комнаты для прислуги, кухня, пекарня, квасная, кладовки. Часть первого этажа занимали столовая и лазарет, в другой части находились 19 номеров, состоящих из двух небольших комнат и прихожей. В таком номере могли жить две вдовы или мать с двумя детьми. На втором этаже было 26 таких же номеров. Комнаты третьего этажа были рассчитаны на несколько человек и напоминали общежитие. Четвертый этаж был отдан под епархиальное трехклассное женское училище, названное в честь митрополита Исидоровским. Помимо классов, дортуаров, библиотеки и квартиры надзирательницы, в центральной части этажа находился храм, который освятили в честь Боголюбской иконы Божьей матери. На чердаке сделали выем в крыше и устроили колокольню с четырьмя небольшими колоколами. Со стороны двора разбили сад, за которым построили два деревянных ледника, конюшню и баню-прачечную с сушильнею наверху¹⁹.

В 1885 г. были собраны деньги на постройку еще одной богадельни, но в ходе строительных работ решено было новое здание отдать Исидоровскому женскому епархиальному училищу, преобразованному в шестиклассное. Строил новое трехэтажное здание тот же Г. И. Карпов совместно с архитектором В. Ф. Харламовым. Оно примыкало вплотную к дому 174, но стояло с отступом от красной линии. Перед зданием были построены часовня со звонницей и высокая чугунная ограда на каменном основании. В Исидоровское училище принимали дочерей сельского духовенства Петербургской губернии. Учебное заведение было закрытым, «приходящих» девочек было немного. При вступительных экзаменах надо было знать таблицу умножения, написать отрывок под диктовку, рассказать стихотворение. Дисциплина в училище была строгая. Постоянное присутствие на уроках классной дамы или ее помощницы отбивали охоту к подсказкам и разговорам на уроках. К первоклассницам прикреплялись воспитанницы старших классов, помогавшие младшим на первых порах. Различались исидорянки по цвету платья. В первом и втором классах носили платья цвета бордо; в третьем и четвертом – зеленые; в пятом и шестом – лиловые; в седьмом и восьмом – серые. Последние два класса были своеобразной стартовой площадкой для получения высшего образования. По окончании училища девушки работали учительницами в церковно-приходских школах. После революции с благотворительностью было покончено: закрыли, а потом и уничтожили сами заведения, дававшие своим обитательницам не только хлеб и кров, но и профессию²⁰.

¹⁹ См.: Александровский Дом призрения бедных духовного звания. СПб., 1871. С. 1 – 29.

²⁰ См.: Лебедева А. В. Исидоровском училище: воспоминания Анастасии Лебедевой // Газета. 2002. 11 марта (№ 42 [97]). С. 10.

Район, о котором мы говорим, меняется на глазах: новое строительство вплотную подступает к старым домам, окружая их. Но пока еще в отдельных деталях можно обнаружить следы прошлого, окрашенного замечательными именами. «Не с каждым местом сговориться можно, / Чтобы оно свою открыло тайну...», – писала А. А. Ахматова. Ее строки очень подходят нашему кварталу.